

ИЗ ИСТОРИИ УРАЛЬСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Л.В.Доровских

КАФЕДРА КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ И ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ П.А. ШУЙСКОГО

В составе открытого в Екатеринбурге в 1920 году Уральского государственного университета функционировали горный, политехнический, медицинский, сельскохозяйственный, педагогический институты, а также институт общественных наук и рабочий факультет. В 30-х годах проходила реорганизация структурных подразделений университета, и в 1939 году был открыт исторический факультет. С 1940 года в Уральском университете в рамках историко-филологического факультета началась подготовка специалистов по филологии. В самостоятельную структурную единицу филологический факультет выделился лишь в конце 50-х годов.

Существование единого историко-филологического факультета сказалось на учебных планах: у филологов в течение четырех семестров шел курс истории, историки в течение шести семестров изучали латынь и древнегреческий.

В 1939–1940 годах на факультете при кафедре общего языкознания существовала секция древних языков, а позже, в 1941 году, была создана кафедра классической филологии, просуществовавшая до 1956 года. Заведовали кафедрой доценты Александр Иванович Виноградов и Павел Александрович Шуйский. В составе кафедры было пять преподавателей. Кроме названных, работали Александр Лаврович Вознесенский, Владимир Дмитриевич Мионов и Георгий Иванович Эбергардт.

Несколько слов о каждом из них.

А.Л. Вознесенский родился в 1892 году, в Мордовии, в семье дьячка. С 1913 года учился в Нежине, в Историко-филологическом институте, который окончил в 1917 году по специальности “словесность”. Работу преподавателя начал с 1918 г. в средней школе Тамбова. Есть в его преподавательском пути работа в Кушве (Свердловская область) и на курсах УЗТМ. В сентябре 1940 года он был принят в Уральский государственный университет преподавателем латинского языка, которому и обучал студентов до конца своих дней (ум. в 1964 году).

Г.И. Эбергардт родился в 1870 году. Окончил Нарвскую классическую гимназию, где учился в 1879–1888 годах, и физико-математический факультет Санкт-Петербургского университета (1892). Трудовой путь преподавания начал в Оренбургском учебном округе. Потом была Екатеринбургская мужская гимназия, где он преподавал математику. С 1939 года Г.И. Эбергардт – доцент кафедры математики УрГУ. Приказом по университету от 20 января 1946 года ему поручается вести латинский язык на I, II и IV курсах филологического отделения историко-филологического факультета. С июня 1949 года он доцент кафедры классической филологии и трудится в этой должности до июня 1954 года.

В.Д. Мионов родился в 1882 году в Башкирии, в семье “служителя культа”, как писал он в автобиографии. Учился в Уфимской духовной семинарии и Санкт-Петербургской духовной академии, которую окончил по словесному и историческому отделениям по I разряду, т.е. получил звание магистра, защитив магистерскую диссертацию “Вопрос о критериях православия в русской литературе XV–XVI вв.”. Кроме латинского и древнегреческого, знал несколько европейских языков. Преподавательскую деятельность начал в 1907 году. Преподавал в гимназии, семинарии, трудился в отделах народного образования Челябинска и Свердловска (с 1925 года). С октября 1944 года преподавал латынь и древнегреческий в Уральском университете, откуда 1 июля 1951 года его и проводили на пенсию.

А.И. Виноградов родился в 1888 году в г. Орше, в учительской семье. В 1914 году окончил историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета по кафедре истории Византии. Трудовую деятельность начал в Иркутске: учительская семинария, университет, юридический институт. С сентября 1934 года преподавал в свердловских вузах: в юридическом, индустриальном, педагогическом институтах. В 1938 году пришел в УрГУ на должность заведующего кафедрой древней истории. Есть в его биографии работа в Областном

краеведческом музее и Кировском пединституте (1942–1944). С марта 1944 года А.И. Виноградов снова в Уральском университете: заместитель декана, потом декан исторического факультета, заведующий секцией древних языков, заведующий кафедрой языкознания, заведующий кафедрой классической филологии (1945–1949). А.И. Виноградов читал историю Древнего Востока, историю Греции и Рима, вел занятия по древнегреческому языку. В списке его научных работ более 20 наименований. Первая его публикация – “Библиография по политической и культурной истории Византии” – увидела свет в 4-м выпуске “Очерков по истории Византии”, вышедшем в Санкт-Петербурге в 1914 году. Научные интересы его были сосредоточены на истории римских легионов: он писал, но не закончил докторскую диссертацию “Локализация и перемещение римских легионов в I в.н.э.”. В 1949–1950 годах занимался переводом с латинского “Scriptores historiae Augustae”.

В те времена на кафедре классической филологии не было, как это сейчас принято, одной или нескольких научных тем, которые бы разрабатывались членами кафедры, но всех в значительной мере объединял перевод на русский язык поэм Гомера “Илиада” и “Одиссея”. Перевод осуществлял доцент Павел Александрович Шуйский, который с 1949 года возглавлял кафедру классической филологии, но из публикаций, архивных личных дел видно, что ему в той или иной степени содействовали все члены кафедры.

Павел Александрович Шуйский (1878–1955) родился в Петрозаводске. После окончания классической гимназии учился в Нежинском историко-филологическом институте (два семестра) и на славянском отделении Московского университета, который закончил в 1907 году. Затем совершенствовался в Иенском университете (1908–1909). Начиная работать преподавателем в г. Кутаиси. В 1930 году приехал на Урал. Работал в областной библиотеке, педагогическом институте, с 1 сентября 1944 года на кафедре классической филологии Уральского университета, будучи доцентом названной кафедры, вел занятия по классическим языкам, античной и средневековой литературе. Научные интересы лежали в области античной литературы. Его перу принадлежат, например, такие работы, как «Русские переводы “Илиады”» (статья опубликована в журнале “Литературный критик” в 1936 году), “Геронический Эпос (поэмы Гомера)” (эта скорее брошюра, чем книга, опубликована в Свердловске в 1937 году), статья “О поэмах троянского цикла” (опубликована в “Ученых записках Уральского университета” в 1950 году). Главный его труд – перевод на русский язык “Одиссеи” и “Илиады”, над этим он работал более 20 лет. Перевод “Одиссеи” увидел свет в 1948 году, и автор его стал одним из первых лауреатов и поныне присуждаемой премии за лучшую научную работу Уральского университета. “Одиссея” в переводе Шуйского вышла в Свердловске под редакцией А.И. Виноградова. Шуйский дал свой перевод с греческого оригинала, сопроводил перевод подробным комментарием, указателем эпитетов богов и людей, а также указателем собственных имен. Виноградов в вступительном слове “От редактора” говорит, что это издание – результат работы не только переводчика, но и всей кафедры. Он пишет: «Редактирование и корректирование перевода и примечаний переводчика к нему осуществлялось членами кафедры классической филологии Уральского университета. Особенно необходимо отметить в этом отношении работу члена кафедры Александра Лавровича Вознесенского».

Павел Александрович Шуйский считал (и об этом он пишет в небольшой статье, предвещающей перевод), что “Одиссея” в переводе В.А. Жуковского – это “выдающееся явление, но скорее русской литературы, а не древнегреческой», ибо Жуковский не знал древнегреческого языка, перевод делал по подстрочнику, и это сказалось на точности передачи текста Гомера. Кроме того, Жуковский внес в “изображение гомеровской жизни черты хорошо знакомого ему придворного быта русского царя, придворные русские выражения и обороты речи ...”. Комментарий А.П. Шуйского проникнут явной или скрытой полемикой с Жуковским.

“Одиссея” Шуйского вызвала самые разные отклики. Академик И.И. Толстой отмечал, что достоинством перевода Шуйского является то, что он сохраняет размер подлинника – гексаметр, что он “несравненно более точен в выборе лексического запаса и в передаче самого стиля античной эпической речи”. В письме Шуйскому он писал: “Глубокоуважаемый Павел Александрович! Трудом своим Вы совершили высококультурнейший по содержанию подвиг перед Отечеством”. Такую же общую высокую оценку давал Б. Горнунг: “Как поэтическое произведение перевод П.А. Шуйского значительно уступает, конечно ... переводу Жуковского ... Однако передача простоты и безыскусности эпического стиля “Одиссеи” – передача, которую А.А. Потебня считал главной задачей переводчика “Одиссеи”, – удалась Шуйскому лучше, чем кому бы то ни было. Гомер у него ближе к русским былинам, к народному эпосу, чем у Гнедича, Минского, Жуковского, Вересаева”.

В третьем номере “Вестника древней истории” в 1950 году М.Е. Грабарь-Пассек и Ф.А. Петровский опубликовали большую, на пять страниц рецензию. Их позицию можно охарактеризовать примерно так: перевод Жуковского у всех получал высокую оценку, по этому переводу “многие поколения русских читателей учились любить Гомера”, но специалистами давно указаны неточности его перевода, в частности, эти недостатки разобраны И.И. Толстым во вступительной статье к изданию 1935 года. Поэтому, считают рецензенты, можно ожидать, что в переводе Шуйского “исправлены именно те недостатки, какие действительно имеются в переводе Жуковского, т.е. словарные неточности и чуждая оригиналу стилистически-романтическая окраска”. С этой позиции рецензенты и оценивают перевод Шуйского. Их оценка двойственна. С одной стороны, они признают, что Шуйский часто обоснованно предлагает исправление неточностей перевода Жуковского или его добавления. Например, Жуковский ввел эпитет “святоотатный”, отсутствующий у Гомера (IV, 503, 509 и X, 200)¹ или у Жуковского Цирцея сидит перед ткацким станком, а во время Гомера работала не сидя перед ним, а обходя его и т.д. Но с другой стороны, рецензенты иначе, чем Шуйский, понимают, что такое “точность перевода”, и отсюда идет их негативная оценка. Для Шуйского точность перевода – это “словарная точность”, а для рецензентов точность перевода – это “словарная точность... близкая к поэтической верности перевода”. Отсюда характер их

¹ Здесь и далее в скобках римскими цифрами обозначаются номера песен поэм Гомера, арабскими – стихов.

замечаний. Например, Шуйский вместо употребляемых Жуковским слов *царь*, *царица* предлагает *басилей*, *басилея* (кстати сказать, современные словари иностранных слов в русском языке включают слова *басилей* и *басилевс*). С точки зрения рецензентов, слова *царь* и *царица*, хотя и неточны исторически по отношению к Менелая, Одиссею, Пенелопе, стилистически вполне законны, так как употребляются в русских сказках, легендах, исторических песнях и связаны в фольклоре вовсе не с образом неограниченного монарха в буквальном смысле слова, а с образом властителя вообще. Или у Шуйского есть слово *нимфа* в обращении Эвриклеи к Пенелопе (IV, 743: *νιμφα φίλη*): "милая нимфа". Рецензенты считают необоснованным такое употребление, ибо слово "нимфа" в русском языке приобрело строго определенное значение полубогини или второстепенного божества, олицетворяющего в греческой мифологии различные силы природы, и никогда не может быть употреблено при обращении к замужней женщине, как в данном случае (с. 130).

Всего рецензенты привели в своей публикации около 15 подобных примеров.

Ответом на эту рецензию явилось "Письмо в редакцию", опубликованное в 1951 году во втором номере "Вестника". Письмо, содержащее возражения рецензентам по ряду пунктов, написали члены кафедры классической филологии УрГУ – доцент Георгий Иванович Эбергардт и Владимир Дмитриевич Миронов.

В частности, М.Е. Грабарь-Пассек и Ф.А. Петровский упрекали Шуйского в неточном использовании слова *Аид*: «Переводчик должен твердо знать, как знал это Жуковский, что Аид у Гомера не место, а божество, и не переводить "... пребывает в Аиде" (XXIV, 264)». Однако, как справедливо указывают авторы письма, у Жуковского (X, 502) читаем: "В аду еще не бывал с кораблем ни один земнородный". У Гнедича в "Илиаде" также встречаются понимание Аида не только как божества, но и места (VIII, 16; XXII, 389). Есть такое же понимание Аида у Минского (VIII, 16 и др.) и Вересаева (XXIII, 137 и 244). Достаточно указать на 244 ст. XXIII песни "Илиады": "... εἰσὼκεν αὐτὸς εἰς αἶδιν καὶ θοῶμαι "покамест сам в (печальном) Аиде не скроюсь" (пер. Вересаева), где невозможно иное толкование Аида, кроме как место.

Перевод "Одиссеи" Шуйского привлек также внимание Азы Алибековны Тахо-Годи. Она написала статью, которая называется «О новом переводе "Одиссеи"». Статья опубликована в 1953 году, в 26-м томе "Ученых записок Московского областного педагогического института".

В статье отмечается критическое отношение Шуйского к Жуковскому: Шуйский проделал "гигантскую" работу, «очищая текст "Одиссеи" от многочисленных украшений поэта-романтика, который допускал грубые анахронизмы в целях гладкости, изящности и красоты текста». Приводятся примеры анахронизмов, снятых Шуйским. Так, у Жуковского нимфа Калипсо не "живет" [*vaist*] (XII, 499), а "царствует"; русским патриархальным боярским бытом веет от "спальников" царя Менелая (IV, 23), его "дворни" (XV, 162), "пуховых постелей" (XX, 141) и таких совершенно негомеровских обычаев, как "садиться по чину" (VII, 98; X, 233), "целовать руки" (XXII, 449; XXIV, 398), "запирать на замок" (XXI, 387). "Лавки" [*δρομοί*] (VII, 95) во дворце царя Алкиноя, "царская трапеза" (VII, 98), "лики златые отроков", "светочи" (VII, 100) – есть у Жуковского, но нет у Гомера. Анахронизмом звучат в переводе Жуковского "деньги" (XVII, 250), поскольку гомеровское общество еще жило меновой торговлей на золотые, кожаные изделия и на крупный рогатый скот.

Досаду А.А. Тахо-Годи вызвало то обстоятельство, что Шуйский взял для перевода французское издание "Одиссеи" Дидо 1856 года, считая его лучшим изданием. Справедливо указывается, что найденные новые папирусы "дали возможность ... расширить некоторые спорные места, уточнить смысл всевозможных искажений перепищниками темных мест". И далее анализируется перевод Шуйского с учетом его близости "к подлиннику Одиссеи, выработанному в последние десятилетия на основании новооткрытых папирусов и детального изучения огромного количества сколий" (с. 217). Отмечено около 20 случаев, требующих в переводе Шуйского уточнения или даже изменения смысла. В статье ставится также вопрос о художественности перевода Шуйского и признается, что поэтическая сторона его текста выражена "неравномерно и несколько упрощенно": наряду с удачными местами встречаются прозаизмы и неудачно обрабатываемые обороты типа "фиолетовая влага" (о море – V, 56), "мягкая стрела" (V, 124), "мойня" (VI, 40) о месте, где Навсикая стирала белье, "лоб", который Артемиды держит "выше всех прочих" (VI, 107).

Гекзаметр в переводе Шуйского иногда требует неестественного растяжения слогов. Достаточно высокую оценку получил в статье комментарий к переводу, который, по словам автора, "представляет несомненный интерес для анализа русских и иностранных переводов Одиссеи. Каждому филологу будет интересно сравнить с помощью Шуйского, как звучит тот или иной оборот, то или иное слово у Жуковского, Ф.Ф. Зелинского, Фосса, Эрентала и что принципиально нового дает" перевод Шуйского. В то же время А.А. Тахо-Годи считает, что "в комментарии следовало бы дать сведения из достижений современной археологии и этнографии, которые могут пролить свет на места странствий Одиссея и на его родину".

Ценность представляет перечень эпитетов и богов, свидетельствующий о большой филологической работе П.А. Шуйского и полезный всем, кто "пожелает использовать этот обильный материал для своей научно-исследовательской работы".

В заключение отмечается принципиально важное значение этого многолетнего труда П.А. Шуйского: "Наша филологическая наука обогатилась выверенным и максимально близким к оригиналу текстом Одиссеи... Несомненно полная возможность цитирования данного перевода в научных работах, чего никак нельзя сказать о переводе Жуковского. Попытка П.А. Шуйского выйти за пределы традиционного взгляда на Гомера заслуживает всяческого внимания... Ученые и поэты еще приложат свои силы для воссоздания гомеровских поэм на русском языке, но честь первого советского переводчика-гомероведа, проложившего новый путь к пониманию великого создания древнегреческого гения, будет неоспоримо принадлежать большому энтузиасту и знатоку Гомера П.А. Шуйскому" (с. 225).

Прошлый 1998 год – юбилейный для П.А. Шуйского: исполнилось 120 лет со дня его рождения и 50 лет его переводу «Одиссеи». Этот год был юбилейным и для Екатеринбурга – городу исполнилось 275 лет. В специальный выпуск «Известий Уральского государственного университета» (1998, № 9), посвященный юбилею Екатеринбурга, вошла и статья о Павле Александровиче Шуйском. Автор статьи доктор философских наук профессор А. Ф. Еремеев относит перевод «Одиссеи» Шуйского к культурным «явлениям, выходящим из обычного ряда и становящимся ценностями российского, а то и более крупного масштаба». Любопытны и личные впечатления автора статьи, который, будучи студентом-филологом, имел удовольствие слушать лекции П.А. Шуйского.

Несколько слов о судьбе перевода «Илиады», который также был исполнен Павлом Александровичем Шуйским. В начале 60-х годов редакцией перевода «Илиады» занимался Александр Лаврович Вознесенский (он умер, как было сказано выше, в 1964 году). Сейчас три переплетенных машинописных тома перевода «Илиады» и комментариев к ней хранятся в отделе редких книг и рукописей научной библиотеки УрГУ. Эта работа П.А. Шуйского еще ждет своего издателя.